

ЭПОХА МЭЙДЗИ (1867-1912) В ЯПОНИИ И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ КАЗАХСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

Байдаров Еркин Уланович

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник

Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова

E-mail: erkin_u.68@mail.ru;

Бекебасова Асель Нурболатовна

докторант Института востоковедения

им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК, г. Алматы

E-mail: assel@hotmail.co.jp

Введение

По прошествии 25 лет независимости Республики Казахстан мы остро ощущаем потребность в объективном изучении национальной истории, уходящей своими корнями вглубь веков. Еще выдающийся французский историк-медиевист Марк Блок (1886 – 1944) говорил, что: «Дурно истолкованная история, если не остережся, может, в конце концов, возбудить недоверие и к истории, лучше понятой. Но если нам суждено до этого дойти, то это совершится ценой глубокого разрыва с нашими самыми устойчивыми интеллектуальными традициями» [1, с. 7].

Поэтому в условиях глобализации всех сторон жизнедеятельности человеческого общества, так важно изучение и сохранение того духовного и интеллектуального наследия, благодаря чему та или иная нация достигала или пыталась встать на путь прогресса и развития. В этом отношении данная работа посвящена анализу процессов реформирования образования в Японии эпохи Мэйдзи и ее влияния на идеи просвещения казахской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Цель работы – провести сравнительный анализ процессов модернизации Японии второй половины XIX - начала XX вв. и идеи просвещения в духовном наследии казахских просветителей конца XIX – начала XX вв.

Задачи исследования:

- исследование причин и предпосылок эпохи Мэйдзи в Японии, позволивших ей из феодальной островной страны превратиться в мощное восточноазиатское государство;
- анализ исторического значения эпохи Мэйдзи в социально-политическом развитии Японии второй половины XIX – начала XX вв.;
- сравнительный анализ процессов модернизации в Японии и в среде мусульманских народов Российской империи в сфере образования и просвещения в конце XIX – начале XX вв.;
- отражение в общественно-политической мысли Казахстана начала XX века процессов модернизации Японии эпохи Мэйдзи;

Объект исследования: эпоха Мэйдзи в Японии и идеи просветительства в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.

Предмет исследования: реформирование образования и социально-экономические преобразования в Японии второй половины XIX в. через ее отражение в общественно-политической мысли Казахстана в начале XX в.

Методы исследования: логический и исторический, аксиологический и компаративный, культурно-цивилизационный, обобщения и абстрагирования.

Актуальность темы исследования

Цивилизации не выбираются, а складываются по объективным причинам, как органичный для данной страны или народа ответ на «вызовы истории». У Республики Казахстан, если он хочет выжить в «новом мире», нет иного выбора, как стать цивилизованной страной, равной развитым государствам и Запада, и Востока. Никуда не уйти от необходимости модернизации, как бы ни истолковывался смысл этого понятия. На безусловное требование модернизации Казахстан должен отреагировать в соответствии со своими возможностями и особенностями, историческим прошлым и имеющимися в его распоряжении интеллектуальными и другими ресурсами. Решение этой задачи, мы должны, не вызывая неприятия со стороны социума, превратить в созидательный процесс [2, с.12-13].

Еще в конце 90-х гг. прошлого столетия, в своей книге «На пороге XXI века» Президент Республики Казахстан – Лидер нации Н.А. Назарбаев выдвинул концепцию национальной модели модернизации, для которой он предложил термин «адаптированная модернизация» или модернизация, проводимая с учетом «*цивилизационно-культурного фона*», «адаптированная, прежде всего к традиционным институтам, этнокультурным особенностям, политической истории региона, реальному положению государства в геополитической, геоэкономической, геокультурной структурах» [3, с.125-126].

В связи с этим, несомненный интерес для казахстанской гуманитаристики и отечественного востоковедения в целом, представляет история модернизации Японии эпохи Мэйдзи в контексте современных процессов модернизации в Казахстане в сравнительном аспекте. Это дает возможность провести культурно-цивилизационный анализ обозначенных выше проблем с помощью научного дискурса, которые позволят выявить общее и особенное в развитии двух стран и использования «японского опыта» в реформировании современного казахстанского образования.

Роль эпохи Мэйдзи в модернизации Японии

Эпоха Мэйдзи (яп. 明治時代 *Мэйдзи дзидай*) вошла в историю Японии как период становления «Страны Восходящего Солнца» в мировую державу за сравнительно короткое в масштабах истории время, длившееся с 23 октября 1868 по 30 июля 1912 года. Название эпохи было связано с девизом правления 122-го императора Японии Муцухито (1867-1912) – «Мэйдзи», что означает «просвещённое правление» (*мэй* 明 – свет, знание; *дзи* 治 – правление).

Эпохе Мэйдзи предшествовал период раздробленности страны, которой пользовались колониальные страны Европы, стараясь превратить Японию в своего вассала и поставить ее на колени. В этих условиях власть *сёгунов*, феодальных правителей страны, соперничавших друг с другом, не могла, что-то изменить. Нужно было ка-

кое-то решение, чтоб страна могла встряхнуться и встать с колен. И такое решение было найдено.

В 1867 году последним пятнадцатым военным правителем Японии – сёгуном Ёсинобу из рода Токугава (1837 – 1913) была добровольно, без кровопролития и на основе диалога передана власть императору Японии Муцухито (Мэйдзи), который, вернув бразды правления гражданской администрации, положил основы для демократических преобразований в стране.

Известный японский писатель Рётаро Сибэ (1923 – 1996), воссоздавший психологический портрет Ёсинобу, убежденного западника, на которого, тем не менее, возлагали свои надежды и чаяния патриоты – сторонники изоляции Японии, так описывал значение передачи семнадцатилетнему императору полномочий сёгуна: «Теперь, когда страсти улеглись и японцы получили возможность объективно взглянуть на дни минувшие, стало понятно, что могло произойти, не откажись Ёсинобу от власти добровольно. Открыто об этом в правительстве Мэйдзи предпочитали не высказываться, но многие полагали, что наибольший вклад в установление нового режима внес не кто иной, как Ёсинобу Токугава» [4]. Именно Ёсинобе удалось уговорить сторонников сёгуната на непопулярные для них, но очень необходимые для Японии меры.

Это историческое событие, позволило сформировать национальную идею, развившуюся в трех коротких фразах: император, японский народ, Японские острова. Нация консолидируется. Стремительными темпами идет ее развитие от феодализма к капитализму. Нация модернизируется.

В итоге, как отмечает в своей книге «Азиатский путь: история XXI века» казахский философ Валихан Тулешов: «Япония преодолела политическую изоляцию, грозящую (от противоборства приверженцев традиций и сторонников необходимости перемен) гражданской войной, предполагающую новый распад на три сотни независимых крохотных государств, которыми была Япония в Эпоху воюющих провинций, и обрела новую культурно-цивилизационную определенность [5, с. 139-140].

Ключевую роль в процессе модернизации страны сыграло «Клятвенное обещание императора Муцухито» 1869 года, которое стало политической программой его дальнейшего правления. В этом документе одним из основных положений являлся пункт, который устанавливал эффективное использование знаний и достижений человечества, с помощью которых положение Японии могло бы быть «упрочено». Как отмечает Р.П. Дор, грамотность населения Японии уже в 1870 г. была выше, чем в большинстве развитых стран мира в начале XX в. [6, р. 291].

Для реализации основного лозунга мэйдзийской модернизации «богатая страна-сильная армия» требовалось скорейшее вовлечение широких слоев населения в современное просвещение, которое открывало путь для освоения западных знаний, и осуществления коренной перестройки системы образования. Без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения было бы невозможно полнокровное приобщение к западной цивилизации. С этого периода четко прослеживается принцип соответствия задач образования социально-экономическим и политическим условиям.

Реставрация Мэйдзи 1868 – 1889 гг. (яп. 明治維新 *Мэйдзи исин*), превратившая отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира, поставила перед

японским обществом задачу внедрения западной системы образования, чтобы, как подчеркивал один из лидеров реставрации Окума Сигэнобу: «Япония могла учиться всему у иностранцев и побеждать на их собственном поле» [7, с. 69].

В это же время в стране начинает складываться общегосударственная система национального образования, которая отвечала потребностям модернизирующегося общества. Используя образование для достижения национальных целей, японская элита пошла по пути компромиссов. «Японские лидеры того времени, – пишут историки Асо Макото и Аmano Икуо, – не имели модели, которую можно было положить в основу своей деятельности, и заняли эклектическую позицию экспериментирования. Политика в области образования, внешне лишенная принципов, строилась, тем не менее, на основе национализма, селективного принятия западной цивилизации, эволюционистского прагматизма, руководства массами со стороны властей, отрицания участия народа в образовании» [8, с. 18]. Японцы оказались психологически способными быстро воспринимать все новое в политике и технологиях, что положительно сказалось на возможностях модернизации страны. Более того, образование продолжало оставаться важным механизмом социального «восхождения».

В связи с этим, в сфере образования правительство провело ряд кардинальных реформ. Так, в 1871 году было создано Министерство культуры, отвечавшее за образовательную политику, а в 1872 г. был принят Закон об образовании, где было записано что: «Обучение – ключ к успеху в жизни, и никто не может его игнорировать <...>. В будущем не будет ни одного населенного пункта, где были бы неграмотные семьи, и ни одной семьи, в которой был бы хоть один неграмотный человек» [9, р. 5-6].

В этом законе были сформулированы три основные задачи:

1. Образование должно обеспечивать успешное продвижение человека по социальной лестнице;
2. Функция школ состоит в том, чтобы прививать патриотические чувства каждому человеку;
3. Все японцы должны обучаться практическим наукам, что, в конечном счете, принесет пользу обществу и поможет построить современное государство.

По замечанию японского историка Тояма Сигэку, «введение новой системы образования в августе 1872 г. наряду с законом о воинской повинности являлось одним из основных мероприятий просветительской политики правительства после ликвидации княжеств и образования префектур» [10, с. 276-277]. Закон означал победу либеральных взглядов в сфере образования, открытость к проникновению западных знаний и европейской науки.

В том же 1872 году Министерство культуры издало постановление о системе государственного образования по французскому образцу, в ходе которой Япония была разделена на 8 университетских округов. Каждый округ мог иметь 1 университет и 32 средние школы. Каждая средняя школа образовывала отдельный район средней школы, в котором должно было работать 210 начальных школ. Однако постановление Министерства было скорее декларативным и не учитывало реальных возможностей педагогов и граждан. Поэтому в 1879 году Министерство издало «Указ об образовании», по которому система округов отменялась, а обязательное государственное образование ограничивалось лишь начальной школой немецкого образца. Впервые

появились государственные учебные заведения, где мальчики и девочки учились вместе.

Образование, ставшее важным фактором объединения страны, нуждалось в установлении централизованного контроля над ним. Уже 1871 г. было создано ведомство просвещения, в 1885 г. ставшее министерством.

На местах за школьное образование отвечали соответственно губернаторы, главы уездов и городов, старосты деревень. «Главной задачей создания новой системы образования было введение обязательного начального образования, которое с необычайной для того времени быстротой начало появляться повсеместно... Невиданное распространение школьной сети, которой были охвачены даже самые отдаленные горные деревни, проходило под непосредственным нажимом и принуждением властей... Была создана новая система просвещения, контролируемая государством» [10, с. 278]. Это подтверждает выводы Х. Кинлисайда и А. Томаса о том, что в отличие от европейских стран развитие системы образования в Японии шло сверху и быстро, а в самой Европе все продвигалось под давлением снизу и очень медленно [11, р. 84]. В итоге, на рубеже XIX и XX вв. по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Великобританией, а в 1900 г. оно стало бесплатным.

Отдельные правительственные постановления относительно начального, среднего, высшего и университетского образования были приняты в 1880-х годах. Японское правительство стремилось к модернизации страны во всех сферах жизни и активно способствовало внедрению новейших западных идей и западного образа жизни. В целом модернизация японской культуры путём заимствования европейских достижений получило название – «Цивилизация и просвещение».

В префектурах были созданы педагогические институты и высшие учебные заведения для женщин. Государственная инициатива была поддержана представителями японской интеллигенции и общественными деятелями, открывавших частные школы, которые впоследствии стали известными университетами. Так, престижный современный университет Кэйо ведет родословную от частной школы, созданной Фукудзава Юкити еще до реставрации Мэйдзи; не менее знаменитый Васэда от Токийской специальной технической школы. Университет Рицумэйкан появился благодаря усилиям крупнейшего политического деятеля той эпохи либерала-западника Сайондзи Киммоти. Одновременно учреждаются государственные университеты – Токийский (1877) и Киотосский (1897) (позже оба стали императорскими), где по приглашению правительства Японии работало много иностранных специалистов. Затем появляются университеты в городах Сэндай (1907), Фукуока (1910), Саппоро (1915) [12, с. 206], где по приглашению правительства Японии работало много иностранных специалистов.

По справедливому замечанию С.Ч. Лим, системы средних и высших учебных заведений «... подготовили хорошую почву для успешного восприятия научных знаний и достижений Запада» [13, с. 61]. Кроме этого, японцы уже тогда стали посылать своих детей учиться в другие страны, собирая и изучая самую разнообразную информацию о меняющемся мире. Таким образом, они осуществили модернизацию собственного сознания, беспрекословно подчинив себя императору, род которого уходил корнями в тысячелетия.

Творцы *Мэйдзи исин* понимали неизбежность столкновения с «цивилизованным миром», от которого Япония в материальном отношении заметно отстала, и проведение революционных, модернизаторских преобразований в качестве единственной возможности позволило выстоять ей под давлением извне.

Духовной основой этих преобразований они сделали возвращение к интегральной Традиции, законодательно оформив «единство ритуала и управления» (*сансэй итти*), что было не только политическим актом, но и возвращением к древнейшему сакральному принципу единства светской и духовной власти – основе любого традиционного общества. Лидеры *Мэйдзи исин* позаботились о сакрализации своих преобразований, включая те, которые имели вполне «земной» характер. Государство стремилось мобилизовать общество на модернизацию, опираясь на свою идеологию и патриотизм населения.

В результате реставрации Япония «прыгнула» в Новое время. Была реорганизована армия. Начато строительство полноценного военного флота. Реформа государственного устройства, социальная и экономические реформы, а также отказ от самоизоляции создали благоприятные условия для развития Японии в конкурентоспособное, в том числе экономически, общество, включившись в экономическую и политическую гонку с Европой. Благодаря этому, Япония ушла далеко вперед в сравнении с другими восточноазиатскими государствами.

Вхождение Японии в «цивилизованный мир», стало важнейшей задачей новой власти. «Золотая середина» была обретена в формуле «*вакон ёсай*» (японский дух – европейская наука). «Европейская наука» включала полный набор компонентов модернизации, однако, благодаря традиционалистской ориентации большей части элиты, одухотворялась «японским духом» и принималась не сама по себе и не полностью, но лишь по мере необходимости или пригодности для новой Японии.

Развитие просветительства в Казахстане и отражение процессов модернизации Японии в духовном наследии казахских просветителей конца XIX – начала XX вв.

Во второй половине XIX века о реформах в сфере образования аналогичные японским, начали говорить и в среде мусульманских народов Российской империи и в частности, среди представителей казахской интеллигенции. Так, например, Чокан Валиханов, Салык Бабаджанов, Муса Чорманов, Ибрай Алтынсарин и др. видели дальнейшее развитие казахского народа только в просвещении и образовании.

Данные процессы были связаны с тем, что благодаря проникновению капиталистических отношений, развитием демократической мысли на рубеже XIX – XX вв. в Казахстане, увеличение роли и значимости науки, образования способствовало началу процесса пересмотра устоявшихся ценностей, и поиску новых ориентиров развития общества. В процессе этих поисков в Казахстан проникает и развивается социальное движение, получившее впоследствии название «*джадидизм*».

Это движение помимо образовательного направления, вобрало в себя стремления российских мусульман к культурному и национальному самоопределению. Данное движение, начавшись с замены устаревших схоластических методов обучения в мусульманских учебных заведениях (медресе) новыми, впоследствии выступило и за

проведение реформ в политической судьбе народов Центральной Азии, предоставления им широкой автономии для культурного и экономического развития в целом.

Здесь следует кратко остановиться на истории этого движения. Истоки джадидизма были заложены татарскими просветителями еще в 1800 – 1840 годах. Так, например, в начале и первой половине XIX века реформаторами схоластического образования в бухарских и самаркандских медресе выступили выдающиеся татарские просветители *Габденнасыр Курсави* (1776-1812) и *Шигабутдин Марджани* (1818 – 1889). Первый был даже приговорен к смертной казни и спасся бегством из Бухары в родные места. Сочинения Ш. Марджани по сию пору издаются в странах зарубежного Востока. Другие просветители, такие как *И. Халфин* (1773 – 1823), *Х. Фаезханов* (1821 – 1866), *И. Гаспринский* (1851 – 1914) – выступали с проектами просвещения тюрко-мусульманских народов Российской империи [14, с. 161]. Например, Х. Фаезханов делился со своими проектами в письмах к *Ч. Валиханову* (1835 – 1865) [15].

Единственный ключ, который только и мог открыть ворота темной крепости – однобоко толкуемый догматики ислама, был найден Исмаилом Гаспринским. Он доказал в ожесточенной полемике наличие в Коране утверждения, что не только позволяет, а и предписывается учиться и овладевать знаниями всем мусульманам, в том числе и женщинам. «*Учиться от рождения до смерти!*» – вот лозунг, выдвинутый им и непротиворечащий канонам шариата. Это была революция в умах мусульман!

Заслуга И. Гаспринского в том, что он нашел правильный, самый краткий путь для достижения своей цели. В своей статье «*Русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения*» он пишет: «Русское мусульманство прозябает в тесной, душной сфере своих старых понятий и предрассудков, как бы оторванное от всего остального человечества, и не имеет иной заботы о ежедневном куске хлеба, иного идеала, кроме как указания жедудка...» [16, с. 107]. Наука и просвещение вот то главное кольцо, схватившись за которое, можно было вытащить всю цепь.

Отвергнув, схоластическую систему обучения он создает, новометодные школы, где преподаются и светские науки: сам пишет учебники; облегчает алфавит арабского письма; следуя Константину Ушинскому (1823 – 1871), разрабатывает ускоренный метод обучения, который впоследствии получает название метода Гаспринского или «*звукового метода*». Все это он осуществляет, преодолевая жесточайшее сопротивление косных царских бюрократов и мусульманских фанатиков – фарисеев.

В конце XIX века вопросы образования проникли и в Казахскую степь став одним из центральных и обсуждаемых тем. Только за 1895 г. были опубликованы более десятки статей на данную тему, в частности «*Какие школы полезнее в Степном крае*»; «*По вопросу об образовании киргизов*»; «*К вопросу об учреждении школ в степи*», «*К вопросу о киргизском народном образовании*» и др. [17].

Исходя из того, что русско-киргизские школы были устроены на совершенно нерациональных началах и не отвечают ни характеру, ни склонностям киргизов, газета «Народ» (1897, №230) писала: «...муллы, по своему совершенному невежеству не могут учить детей ничему иному, кроме своего шариата. Русские народные школы не привлекают киргиза – они ему совершенно чужды... Дайте киргизской школе учителя-киргиза, поведите преподавание на ней киргизском языке – и школа не будет

обходима киргизскими детьми. Но этого мало. Для того, чтобы киргиз приобрел привязанность к школе, чтобы видеть в ней источник света и истинного знания – одним словом, чтобы он считал эту школу не чуждой и не далекой себе, а своей родной школой, – сделайте ее именно такой. Сделайте ее национальной киргизской школой: кроме учителя-сородича и преподавания на родном языке, киргизский мальчик должен встретить в ней все родное, знакомое и любимое им с детства: описание своей жизни, своих нравов и обычаев, бытовых особенностей, историю своего народа и своей родины, картины кочевья и своих степей, гор и лесов и всего другого, что окружает его со дня рождения. Тогда только он пойдет в свою школу и будет относиться к ней с полным доверием и любовью. Тогда только эта школа сделается истинным рассадником знания среди киргизов, возбудителем их мысли и лучших человеческих чувств, двигателем по пути к культуре и цивилизации» [18].

Газета «Русский Туркестан» (С.-Петербургские ведомости, 1898, №287), также «отмечает наблюдающееся за последнее время в киргизской степи отрадное явление настойчивого домогательства кочевниками или иметь у себя русско-туземные школы с русскими учителями, или помещать детей своих в подобные же учреждения, уже функционирующие. По всем уездам области составляются приговоры, устанавливаются нормы самообложения и подаются просьбы об открытии школ с интернатами... Из всех инородцев Туркестана только киргизское население проявляет указанное рвение к свету, и поэтому особенно важно не дать потухнуть в душе номада этой возгорающейся искре». Тем самым, газеты указывали на особенное прилежание, с каким занимаются киргизские мальчики, попавшие в школу [18].

Нужно отметить, что проникновение и распространение идей джадидизма в Казахстан нашло отклик у казахской интеллектуальной элиты конца XIX – начала XX века. Активными сторонниками новометодного движения («усул-и джадид» (араб.) – «новый метод») выступали такие ее представители, как А. Кунанбаев, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ш. Кудайбердиев, Г. Карашев и др.

Во многом, благодаря джадидскому движению, встал вопрос и о материальном обеспечении школ, при этом большое внимание уделялось обеспечению материальными средствами за счет частных пожертвований или за счет мусульманских обществ. Именно джадидское движение способствовало тому, что в конфессиональных школах постепенно должны были внедриться элементы европейского образования. Это привело к тому, что к 1907 году в Семиреченской области в «русско-туземных» 15 школах обучалось 222 ученика, а в мусульманских мектебах которых насчитывалось 243 – обучалось 6076 учеников [19, с. 24].

Такое положение не могло не волновать царское правительство. Власти оказывали сильное противодействие их деятельности. Так в одном из донесений указывалось, что новометодные школы очень вредны для официальных властей. Приезжие распространяют среди киргизов указания на чисто киргизском языке, вредного направления, отпечатанные в Уфе, Казани, Оренбурге. Это брошюры «Оян казак» Мыржакыпа Дулатова (1885-1935), где он призывает соотечественников к новой жизни, призывает учиться хорошему у других народов, ратует за науку, образование⁸.

⁸ В «Кратком Отчете о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 года» из архива Департамента полиции, адресованном Туркестанскому генерал-губернатору, мож-

Сборник басен «Маса» Ахмета Байтурсынова (1873 – 1937), посвящен тяжелому положению народа, его освобождению от отсталости и невежества, призывает к знаниям, науке, культуре. «Тұр қазақ» Алихана Букейханова призывает народ к активной жизни овладев знаниями и культурой.

Известный казахский историк, академик Кенес Нурпеисов в своей монографии «Алаш һәм алашорда» (1995), освещаая деятельность, алашординцев пишет, что казахская интеллигенция начала XX века своей просветительской деятельностью стремилась пробудить народ к знаниям, расширить кругозор, открыть глаза на происходящие вокруг процессы. Лидеры казахской интеллигенции понимали, что для политического просвещения народа необходимо разбудить в нем стремление к знаниям, преодолеть безграмотность. Со страниц национальных газет и журналов таких как: «Казақ», «Қазақстан», «Айқап» и других она призвала народ к овладению знаниями, ибо только она открывала путь к цивилизации и могла помочь сохранить казахов, как нацию.

Передовая казахская интеллигенция начала XX века, считала основным в своей политической деятельности защиту как национальных, так и общечеловеческих ценностей. Она стремилась помочь казахскому народу в борьбе за независимость и освобождение от колониального рабства, боролась за такие общечеловеческие ценности, как право каждого человека и каждого народа на свою личную свободу и свободный доступ к достижениям всей человеческой культуры [21].

Если говорить о генерации интеллигентов и просветителей, концептуально определивших задачи просвещения казахского народа в контексте идеологии джадидизма, то здесь следует назвать великого просветителя и философа *Абая Кунанбаева* (1845 – 1904).

Духовный путь, пройденный Абаем за шестьдесят лет его жизни, был полон как приобретениями, так и горькими потерями. Воспитанный на поэзии Саади, Хафиза Ширази, Джами, Бабур, Нодиры и др., он считал Алишера Навои своим учителем. Знания, приобретенные Абаем в татарском медресе Ахмета Ризы в Семипалатинске, пригодились ему на всю жизнь, определив ту жизненную позицию, которой он всегда старался придерживаться.

Как писал А. Букейханов, знакомство Абая с произведениями Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Белинского, Писарева, Чернышевского, «Опытами Спенсера», «Позитивной философии» Льюиса, «Умственным развитием Европы» Дреппера и др. [22, с. 4-5] позволяло ему выступать реформатором культуры в духе сближения с русской и европейской культурой, а на основе просвещённого либерального ислама, проповедовать идеи просвещения, что является одной из основ восточной философии.

Развитие общества Абай видел в идеи гармоничного сочетания светских и религиозных знаний. Поэтому в его идейном наследии четко прослеживаются две линии. Первая – призыв к модернизации через просвещение, получение казахами современ-

но прочитав такую интересную запись: «Среди киргиз особенно популярен писатель Мир-Якуб-Даулатов (Дулатов – *Е.Б., А.Б.*), автор брошюры «Оян Казак» («Проснитесь, киргизы»), отпечатанной типографией газеты «Вакт» в Оренбурге, призывающей киргиз к изгнанию русских и образованию своего киргизского государства» [20, с. 82].

ного образования и развитие науки. Вторая – синхронно с этим последовательная проповедь всех базовых положений религии ислама. Достаточно почитать «*Слова назидания*» («Қара сөздері»), которые он писал почти десять лет, ставшей вершиной его творчества. Религиозные мотивы прослеживаются и в других его произведениях. В советское время это не афишировалось по понятным причинам, но, тем не менее, все эти творения мыслителя успешно издавались и переиздавались.

Абай своим творчеством старался приобщить родной народ к богатствам мировой цивилизации и одновременно вносил в нее лучшие духовные ценности казахского этноса. Бесценен его вклад как мыслителя в национальное пробуждение казахов, в развитие их социально-политической и философско-этической мысли.

Многие казахские поэты начала XX века, вдохновленные призывом Абая к просвещению, поддержали его призыв. Так, казахский поэт М.А. Андибаев («Моя молодость», 1907) пишет: «Если бы мы стремились по завету пророка Магомета к мастерству и знаниям, то главою над нами был бы казак, земли бы не ухудшались, а скотина бы не уменьшалась и земли бы нашей никто не смел бы трогать». Но «можем мы вырваться из зубов их не силою, а только знанием?». Подобный риторический вопрос задает А. Муштак («Ласточка», 1911): «Казаки благодаря знанию будут ли опять зрячими и пойдут ли на врага?». Ответ: «Если народ будет образованным, то никакой враг против него не пойдет»; «вооруженного знаниями и добрыми делами никто не сможет победить» [23].

При этом на представителей казахской интеллигенции начала XX века большое влияние оказали процессы модернизации в Японии, которая закороткий исторический промежуток времени, смогла добиться многого, а в сражении под Цусимой (1904 г.) нанести катастрофическое поражение русскому флоту, оснащенной к тому времени самыми современными кораблями.

В начале двадцатого века все, что было связано с Японией, вызывало необычайно живой интерес среди представителей казахской интеллигенции. В 1895 году «Киргизская степная газета» опубликовала статью Алихана Букейханова (1869-1937), где автор рекомендовал казахам брать пример у японцев для своего культурного развития. А. Букейханов писал, что интерес казахов к японцам существенно повысился особенно в период и после русско-японской войны. Были слухи о том, будто японцы – это мусульмане, с которыми казахи соединены родственной и национальной связью. М. Дулатов в поэтическом сборнике «Оян, казах!» сравнивал Россию с жестоким и несправедливым львом, а японцев сравнил с небольшими, но энергичными зверями, которые имели справедливые законы и толкового хана.

Поэтому, неслучайно, как отмечает известный японский исследователь Уяма Томохико, профессор Славянского исследовательского центра в Университете Хоккайдо (Саппоро), что 1918 году появляются статьи молодых М. Ауэзова (1897 – 1961) и С. Торайгырова (1893 – 1920), где они положительно отзываются о развитии Японии. Если, Мухтар Ауэзов более подробно изучая причины развития Японии отмечал, что японцы ввели конституцию, установили справедливую власть и усердно принимают из европейской науки – системы управления, экономики и дипломатии, не забывая при этом свои хорошие черты. То, Султанмахмут Торайгыров, считал, что состояние японцев в 1860 годах было не лучше казахов, но они быстро догнали европейцев,

поэтому казахи тоже, если сплотятся, смогут догнать европейцев в течение 20-30 лет [24].

Так, в романе «Мы из Туркестана», размещенный на информационном портале Turk-media.info автор вкладывает в уста «казахского Лермонтова» Магжана Жумабаева (1893-1938), который в годы Первой мировой войны (1914 – 1918) проводил лекции среди казахов, призванных на т.н. «тыловые работы» в прифронтовые районы Российской империи слова, где он, рассказывая им о положении в мире, приводит примеры из Японии: «Маленькой и маломощной страны, которая благодаря мощи своего духа и неумемному патриотизму смогла победить в войне огромную Россию» [25]. Этот литературный *инсайд* казахского автора (Аскар Кумыран – Е.Б., А.Б.) вполне возможно мог бы иметь место, так как Магжан безусловно знал о Японии и о тех процессах, благодаря которым она смогла добиться таких блестящих успехов.

Поэтому так понятен интерес казахского общества начала XX века к Японии. К тому же, как утверждает казахстанский культуролог Мурат Ауэзов, «казахская интеллигенция лучше знала свою прошлую историю, чем мы сейчас. И версия о том, что казахи и японцы – кровные братья, имела широкое хождение в казахском обществе. Алашординцы ставили при этом японцев себе в пример» [26]. Таким образом, казахские интеллигенты видели в Японии модель быстрого развития небольших азиатских стран.

Однако в последствие, к сожалению, Япония не стала представителем угнетенных азиатских народов, а сама стала колониальной империей, что привело к противостоянию между СССР и Японией как двумя агрессивными империями. Отсюда и ярлык «японский шпион» у многих представителей казахской интеллигенции, погибших в тридцатые годы XX столетия в результате сталинских репрессий.

По мнению казахского историка Султан Хан Аккулы, директора Научно-исследовательского института «Алаш» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, конечно же, «повторение «Реставрации Мэйдзи» в Казахской степи было невозможно. Ведь Япония была независимым государством и провела радикальные реформы без вмешательства или влияния извне, тогда как казахский же народ находился под колониальным игом русской империи, лишившись своей государственности и исконных земель. Это, во-первых. Во-вторых, Япония сохранила монархию и даже усилила ее...» [27].

Спустя более 100 лет, сравнивая процессы модернизации в Японии и их попытки в Казахской степи, мы должны отметить, что, конечно же, они проходили в разных условиях. Несмотря на то, что идеи просвещения в императорской Японии и в колониальном Казахстане были вызваны потребностью к прогрессу и будущностью своих народов, успехи в достижении этой благородной миссии были разными. Если в Японии, независимой и суверенной стране эти идеи были претворены в жизнь, то в условиях колониального Казахстана, добиться этого оказалось невозможно.

Заключение

Модернизация Японии второй половины XIX – начала XX вв. показывает, что мы должны присмотреться к японскому опыту. Понять, за счет чего становится возможной консолидация нации. Во многом прав Уяма Томохико, когда, говоря о казахской интеллигенции начала XX века он подчеркивает, что: «Эти люди проявляли

очень широкий интерес и к событиям в мире в целом», проявляя «уникальные взгляды на события тогдашнего мира» [24].

Проведенный авторами статьи анализ очень актуален сегодня, так как Республика Казахстан и его лидер Нурсултан Назарбаев ставят перед страной довольно амбициозные цели. Граждане Страны Великой степи (и ученые, и студенты, и высшие учебные заведения) стремятся к повышению своего статуса. Такие здоровые амбиции нужны для Казахстана, чтобы достичь большого успеха на современном этапе своего развития.

В этой связи японский опыт модернизации свидетельствует, что мы должны отказаться от консервативных подходов, а перенять современные западные инновационные технологии как в области образования и науки, так и в других сферах. Но и в тоже время, приобщаясь к высокой культуре других народов мира, мы должны сохранить свои традиционные и национальные методы воспитания подрастающего поколения.

Список литературы и источников

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 259 с.
2. Байдаров Е.У. Культурно-цивилизационное развитие Казахстана в контексте трансформации казахстанского социума в эпоху глобализации: философско-политологический анализ. – Алматы: «TST Company», 2011. – 53 с.
3. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Өнер, 1996. – 228 с.
4. Рётаро Сиба. Последний сёгун. – Москва: Центрполиграф, 2005. – 352 с.
5. Тулешов В.У. Азиатский путь: история XXI века: Монография. Ч. 2. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2011. – 278 с.
6. Dore R.P. Education in Tokugawa Japan. – London, 1965.
7. История Японии. – М., 1998. Т. II.
8. Мамото Асо, Икуо Аmano. Образование и модернизация Японии. Проблемы современной Японии. Вып. XI. Образование в Японии. Реферативный сборник. – М., 1974.
9. Meiji Japan through Contemporary Sources. – Tokyo, vol. 3, 1980.
10. Тояма Сигэки. Мэйдзи исин. Крушение феодализма в Японии. – М., 1959. – 363 с.
11. Keenleyside H.L., Tomas A.F. History of Japanese Education and Present Educational System. – Tokyo. 1937.
12. Молодякова Э.В. Образование – составная часть модернизационного проекта Японии // Япония: опыт модернизации. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 280 с. – С. 200-218.
13. Лим С.Ч. История образования Японии. Конец XIX – первая половина XX века. – М., 2000.
14. Байдаров Е.У. Джадидизм и его отражение в социально-философских взглядах казахской интеллигенции в начале XX века // Алаш и независимый Казахстан: преемственность идей и позиций. – Алматы, 2008. – С. 160-167.
15. Гаффаров А.Г. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). – Казань: Изд-во Казанского университета, 2014. – 564 с.
16. Гаспринский И. Русское мусульманство // Звезда Востока. – Ташкент, 1990. – №4. – С. 105-119.
17. Толепбергени Ж.Т. Мусульманское движение в Западном казахстане и Южном Урале: особенности и тенденции взаимодействия (конец XIX и начало XX вв.). Автореферат дисс. ... к.и.н.: 07.00.02 – Отечественная история. – Актобе, 2010. – 26 с.
18. Ахетов А. Русские и казахи: столетия вместе. О колонизации Степи глазами прогрессивных россиян 19-го века [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=138354948> [Дата обращения: 04.11.2013].

19. Бурханова Д.С., Кожакеева Л.Т. Джадиды и национальная интеллигенция Казахстана конца XIX – начала XX веков // Вестник КазГосЖенПУ. Серия историческая. – 2011. – №2 (5). – С. 22-26.
20. ГА РФ, ф. 102, ДП.00, ОП. 1914, д. 74, ч. 84, лл.17-40 // Цит. по: «Туркестанскому генерал-губернатору...» // Военно-исторический журнал. – 1990. – №11. – С. 78-87.
21. Нурпеисов К. Алаш һәм Алашорда. – Алматы, 1995. – 119 б.
22. Букейханов А. Абай (Ибрагим) Кунанбаев (Некролог) // Записки Семипалатинского Подъотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Выпуск III. – Семипалатинск: П. Плещеев и К., 1907.
23. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 906. Л. 25, 32.
24. Приоритет ханам, или почему «Алаш» остается на задворках истории (Интервью с Уяма Томохико) // <http://ruz.azzatyq.org/author/19067.html>
25. Мы из Туркестана. Роман (первая глава) // <http://www.turk-media.info/?p=1440>
26. Казахский ген. Японцы утверждают, что их предки происходят из казахских степей (Интервью с М. Ауэзовым) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1238223780> [Дата обращения: 28.03.2009].
27. Аккулы С. Лидер «Алаша» мечтал превратить Казахскую степь во вторую Японию (часть I) [Электронный ресурс] // URL: <http://camonitor.kz/21467-lider-alasha-mechtal-prevratit-kazahskuyu-step-vo-vtoruyu-yaponiyu.html> [Дата обращения: 15.02.2016].